

ОБ ИСТОЧНИКАХ СКАЗКИ А. М. РЕМИЗОВА «СУЛТАНСКИЙ ФИНИК»

С. Н. Доценко
(Таллин)

Порок есть не что иное, как нарушение
порядка и отсутствие меры.

Мишель Монтень

Изучение эротических сказок А. М. Ремизова «Что есть табак» (1906), «Царь Додон» (1907), «Султанский финик» (1909) и «Чудесный урожай» (1912) невозможно без выявления их источников, как фольклорных, так и литературных. Отчасти это уже сделано в работах Греты Слобин (см.: Slobin 1991: 53–72), М. В. Козьменко (см.: Козьменко 1991: 75–76; Козьменко 1992: 175–187), И. Ф. Даниловой (см.: Данилова 2000: 618–707; Данилова 2007: 293–311; Данилова 2010: 173–232). Но многие мотивы по-прежнему остаются неисследованными и не очень понятными в свете их генезиса. В нашей статье речь пойдет о возможных литературных источниках сказки Ремизова «Султанский финик».

Главный сюжетный ход этой сказки – превращение героя, бедного купца Али-Гассана, в фаллос турецкого султана. Мечта Али-Гассана заключалась в следующем:

Ему непременно хотелось жениться, но так, чтобы жен у него было столько, сколько дней в году, и даже больше, а он только этим бы и занимался <...>. Озорники, подсмеиваясь над ним, говаривали, что его собственный турецкий финик для него дороже всех фиников земных и небесных. И были правы: все ведь мысли его были собраны на одном *этом* (Ремизов 2000, 2: 543; курсив мой. – С. Д.).

Гений, явившийся однажды Али-Гассану, пообещал выполнить три его желания.

Али-Гассан не заставил себя ждать.

– Хочу быть, – сказал он и по своей застенчивости показал знаком, – турецкого султана.

– Хорошо, – ответил Гений, – еще что?

– И чтобы никогда не опускаться.

– Ладно.

– А больше мне пока ничего не надо.

И не успел Али-Гассан затянуться, как желание его осуществилось (Ремизов 2000, 2: 544).

Очевиден смысл эвфемизмов «турецкий финик» и «султанский финик» (или просто «финик»): все это обозначения фаллоса¹. Как указала Данилова, само выражение «султанский финик» (как обозначение восточной сладости) Ремизов почерпнул, возможно, из рассказа Н. С. Лескова «Интересные мужчины», где этот экзотический фрукт появляется в матримониальном контексте (см.: Данилова 2007: 294).

Эротические коннотации финика известны, однако, и в житийной традиции. Так, например, византийского юродивого Андрея Цареградского стал угощать финиками некий «отрочище, скопец сый, некоего велика мужа слуга». На что Андрей ответил: «Дара содомского родом похаби ясти не умеют». Тот не понял юродивого, посмеялся над ним, и тогда Андрей ответил: «Иди, неприазне, на ложе господина своего и делай с ним содомъский грех, и вдасть ти другыя финики»².

¹ Еще один контекст мотива финика – семантика другого экзотического фрукта, ананаса, который воспринимался как «эмблема эротизма, нередко выступающая как прямая фаллическая метафора» (Абашев 2002: 92).

² См.: Великие Минеи Четъи, октябрь, дни 1–3, стб. 118–119. Житие Андрея Цареградского было помещено в ВМЧ, т. е. в книге, хорошо знакомой Ремизову с детства, о чем он сам свидетельствует в «Автобиографии» (1912 г.): «<...> Жития из Макарьевских Четий-Миней, – вот моя первая грамота и наука <...> я хорошо знал церковную службу, много житий всяких мучеников и подвижников и благоразумных разбойников» (Ремизов 1993: 439). См. также: «И, как помню себя, помню Макарьевские Четъи-Минеи – огромные, в кожаном переплете: с восковой свечей, капая, читаю в голос жития мучеников, о страстях их мученических и терпении» (Ремизов 1982: 12). Византийский святой Андрей Юродивый поминается также в рассказе Ремизова «Имя и страж» (см.: Ремизов 2001, 6: 106).

Развязка сюжета в сказке Ремизова «Султанский финик» следующая: в тот момент, когда исполнились два желания Али-Гассана, турецкий султан Фируз, уже давно утративший мужскую потенцию, «вдруг почувствовал такую полноту и крепость, от которой занимался дух, горели глаза и на побледневшем лице, как роза, расцвела улыбка» (Ремизов 2000, 2: 545).

Султан отправился в гарем, выбрал прекраснейшую из жен, и только тогда Али-Гассан понял свою ошибку. В последний момент он вспомнил о своем 3-м, последнем желании, которое мог исполнить Гений, и прошептал: «О, великий и всемогущий Гений, хочу быть Али-Гассаном!» (Ремизов 2000, 2: 545).

Прежде всего заметим, что у всех 4-х эротических сказок Ремизова есть 2 общих мотива:

1) *Гипертрофия фаллоса (его размеров и/или функции).*

Это приводит к нарушению некоторого равновесия, исходного положения вещей, т. е. – к беспорядку и безобразию. Возвращение же фаллоса к нормальному («естественному») размеру (и функциям) восстанавливает исходное равновесие, восстанавливает порядок и благолепие в мире («Что есть табак», «Султанский финик», «Чудесный урожай»)³.

Исключение составляет только сказка «Царь Додон», где недостача мужского органа соответствующего сверхчеловеческого

³ Мотив «меры» применительно к фаллосу встречается у Ремизова в книге «Петербургский буерак», где приведен такой диалог с В. В. Розановым: «Вот вы восхищаетесь этим – я показал на ларец, который надо было закрыть и завернуть в дорогую шелковую пелену: “воздух”, как “частицу” мощей, – но ведь это мертвое, “бездыханное”, а я знаю живое и совсем не неприкосновенное и *в ту же меру...*”

– Кто? где?

– Да Потемкин.

– У какого Потемкина?

– Студент Петр Петрович Потемкин, пишет стихи: “папироска моя не курится...”

И уж за столом, никто ничего не заметил, как будто ничего и не было, только Вас. Вас. Розанов с застывшим недоумением загадочно пальцами раскладывал на скатерти *какую-то меру*, бормоча, считал вершки, продолжая чай и разговор о выставке, как бы мимоходом расспрашивал и о студенте Потемкине» (Ремизов 2003, 10: 225–226; курсив мой. – С. Д.). Очевидно, что поэт П. Потемкин (1886–1926) в ремизовской мистификации оказывается своего рода двойником князя Г. А. Потемкина, восковой слепок фаллоса которого и стал одним из поводов к написанию повести «Что есть табак».

размера нарушает порядок (гармонию) в царстве Додона, а изыскание такого органа эту гармонию должно восстановить. Исключительность этого сюжета вполне объяснима: здесь первопричиной дисгармонии становится гипертрофия не мужского, а женского органа (у дочери царя Додона):

Уж готовились ударить во все колокола, готовилась царевна выбрать себе мужа, а царь зятя, как вдруг чей-то лихой глаз открыл в царевне такое... и когда про такое сват перешепнул на ухо свату, и с уха на ухо всем стало известно, всех такой отороп взял, и в миг весь Додонов двор ровно языком слизнуло. Повскакали женихи со сватами живо на коней, а свах кто за что – кто за седло, кто на хвост, и все до одного поминай, как звали! (Ремизов 2000, 2: 518).

2) *Превращение человека в фаллос, и/или наоборот.*

В повести «Что есть табак» от инока Саврасия остается только фаллос, который затем монастырская братия хоронит как мощи святого (здесь по принципу *pars pro toto* фаллос замещает человека):

По отбытии Богородицы, наложив на себя трехдневный пост, взялась братия за уды и возилась с ними смятенная, веруя Духу, что они Ньюховы. Омыла умершие, облекла в новые одежды, сложила во гроб и с пением, свечами и кадилом, отпев и отдав последнее целование, погребла их на святом месте лицом на восток солнца. Справив кутью, предалась братия подвигу, умерщвляя плоть свою и служа неусыпно панихиды над могилою (Ремизов 2000, 2: 534).

В сказке «Чудесный урожай» мужик Архип за 200 руб. продает фаллос вдове Пелагее Петровне, и ей этот «стержень» (фаллос) заменяет отсутствующего мужа. В сказке «Султанский финик» купец Али-Гассан в буквальном смысле слова превращается в фаллос турецкого султана. В сказке «Царь Додон» завязкой сюжета является гипертрофированный половой орган дочери царя Додона, который отпугивает всех женихов. Поэтому некий Лука находит ей жениха по прозвищу Табунный, у которого известный мужской орган («не-весть-что») столь больших размеров, что его приходится тащить при помощи 12 троек лошадей. А так как в сказке не говорится

о Табунном как о великане, то можно предположить, что этот персонаж наделен нормальным человеческим ростом, велик же только его мужской орган. Следовательно, в данном случае искомый «орган» (часть тела) во много раз превышает целое, т. е. самого владельца оно. Результат во втором случае очевиден: орган человека (фаллос) начинает выступать как нечто самостоятельное, вытесняющее и заменяющее своего владельца (особенно в «Чудесном урожае», где его владелец вообще отсутствует).

Правда, в 3-х случаях («Что есть табак», «Царь Додон» и «Чудесный урожай») речь идет скорее о *замещении* героя его же фаллосом. И только в сказке «Султанский финик» мы имеем дело с мотивом *буквального превращения* героя в фаллос (и наоборот).

Какой литературный текст является возможным источником этого мотива?

Нам представляется, что его источником является мадригал А. С. Пушкина «Красавице, которая нюхала табак» (1814)⁴. В частности, в конце этого стихотворения лирический герой мечтает о том, чтобы превратиться... в нюхательный табак:

Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попастья мог,
Тогда б в сердечном восхищенье
Рассыпался на грудь под шалевый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

(Пушкин 1937, 1: 45)

Пушкинское стихотворение завершается рядом эротических намеков, из которых самые смелые (и самые пикантные) скрываются многоточием. Но от этого не становятся менее очевид-

⁴ Стихотворение было впервые опубликовано В. А. Жуковским в 1841 г. (см.: Пушкин 1937, 1: 440).

ными: лирический герой, превратившийся в нюхательный табак, оказывается вначале в табакерке, затем попадает в пальцы красавицы и рассыпается на ее *грудь*, «под шалевый платок»⁵. Дальнейший путь «героя-табака» не сообщается, но весь эротический подтекст недвусмысленно подсказывает его. Примечательно, что в другой редакции пушкинского стихотворения его эротический подтекст оказывается более явным:

Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищеньи
Рассыпался на грудь *и, может, сквозь платок*
Проникнуть захотел... о сладость возжеленья...
До тайных прелестей, которых сам Эрот
Запирал за леса и горы,
Чтоб не могли нескромны взоры
Открыть вместилище божественных красот.
(Пушкин 1937, 1: 344–345; курсив мой. – С. Д.)

Мечта лирического героя пушкинского мадригала оказывается сродни мечте Али-Гассана из сказки Ремизова. Разница лишь в том, что у Пушкина речь идет о превращении героя в табак, у Ремизова – о превращении героя в «султанский финик» (фаллос турецкого султана). Общим является и мотив неосуществимости, в конечном счете, эротических мечтаний как героя ремизовской сказки, так и лирического героя пушкинского мадригала.

Трудно сказать, известен ли был Пушкину эротический подтекст мотива табака – «вредной травы зеленой» (как аттестует ее сам Пушкин)⁶. А вот Ремизову он был знаком очень хорошо. В повести

⁵ В духе пушкинского мадригала строит свою «эротическую» фразу и Хлестаков: «Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку» (Гоголь 1951, 4: 75).

⁶ Эротический подтекст пушкинского мадригала создается мотивами, восходящими к рокайльной традиции любовного «языка цветов», усвоенной поэзией русского сентиментализма (см. об этом: Шарафадина 2001). Касаясь перехода на «табачную»

«Что есть табак» Ремизов использовал мотивы народных легенд, из которых следовало, что растение табак произошло (выросло) либо из трупа блудницы, либо из тела Дьявола, либо из трупа Иродиады, либо из внутренностей еретика Ария⁷. В своей повести «Что есть табак» Ремизов идет еще дальше: у него табак произрастает из уд умершего инока Саврасия, который и был на самом деле Дьяволом. Таким образом, устанавливается прямое происхождение табака из фаллоса Дьявола (см.: Ремизов 2000, 2: 535; Данилова 2010: 182–184, 213–214).

В 1945–1946 гг. Ремизов написал мемуарный очерк «О происхождении моей книги о табаке», который (с небольшими изменениями) вошел в его мемуарную книгу «Петербургский буерак». В очерке рассказывается в том числе об эпизоде, который послужил поводом к написанию повести-апокрифа «Что есть табак»: осмотре в 1906 г. на квартире художника К. А. Сомова «статуэтки» – так эвфемистически назван Ремизовым восковой слепок с фаллоса знаменитого князя Г. А. Потемкина: «Пенис Потемкина был сделан по воле Екатерины “для назидания обмельчавшему потомству” в точном размере и со всеми отличительными подробностями, с родимым пятном у “ствола расширения”, – восковой розовый слепок и хранится в Эрмитаже. Для публичного обозрения недоступен» (Ремизов 1983: 13). «В то время <т. е. в 1906 г. – С. Д.> я изучал апокрифы и у меня было целое собрание сказаний о происхождении табака. Особенно одно поразило меня – “слово святогорца” – табак выводился от такого вот потемкинского “орудия”. А что если написать мне такую отреченную повесть, а Сомову иллюстрировать по наглядной натуре. “Вот было б дело, – сказал Вас. Вас., – напиши!”

тему, автор статьи замечает, что в XVIII в. табакерки выполняли особую функцию – любовной почты: «Для нас же важно, что табакерка становится средством и интимного дружеского и в особенности модного любовного общения <...>» (Шарафадина 2001: 138). О возможном эротическом подтексте табака (как растения) в этой традиции речи не идет.

⁷ В примечании к повести «Что есть табак» Ремизов сообщал: «Разные народы по-разному толкуют происхождение табака: у русских он произрастает из трупа блудницы, у румын – из тела Дьявола, повесившегося от несчастной любви, у малороссов – из трупа Иродиады, а у сербов – из внутренностей Ария» (Ремизов 2000: 536).

К. А. Сомов согласен, он, как образец, возьмет потемкинское» (Ремизов 1983: 40).

В дальнейшем эротическая (фаллическая) семантика табака неоднократно будет обыгрываться Ремизовым. Например, в анекдоте из книги «Кукха. Розановы письма» (1923):

Именины Варвары Дмитриевны Розановой.

– Сыт, пьян и нос в табаке! – вот как полагается.

Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову. А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым. Бердяев ничего, только кашлянул, а Андрей Белый от неожиданности финик проглотил (Ремизов 2002: 56; более подробно см.: Доценко 2005: 179–187).

Главным героем ремизовского анекдота оказывается именно Вяч. Ив. Иванов. Скорее всего потому, что тема Эроса интересовала не только Розанова или А. Ремизова. Свою концепцию мистического Эроса создал и Иванов – она нашла отражение во многих его статьях и поэтических текстах⁸. Каково было отношение Ремизова к концепции Иванова? На этот счет у нас нет точных сведений. Но можно не без оснований считать, что Ремизов довольно скептически (более того – иронически) относился ко всем умозрительным концепциям, которые создавались теоретиками-символистами. Представляется, что и анекдот об Иванове, у которого «нос в табаке», является своеобразной полемической репликой в адрес символистских концепций Эроса, а особенно – в адрес одного из их создателей. Тогда абсурдность, бессмысленность анекдота – только кажущаяся. И фразу Ремизова «Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову» (как и другую: «У Вячеслава Иваныча – нос в табаке...») можно тогда «перевести» примерно таким образом: «Я (Ремизов) утер нос теоретику мистического Эроса (т. е. Вяч. Иванову) моей немистической трактовкой Эроса (и всего эротического)

⁸ См.: Цимборска-Лебода 1997: 54–68; Цимборска-Лебода 2004. О постоянном интересе Вяч. Иванова к теме Эроса свидетельствует и Н. Бердяев: «Вспоминаю беседу об Эросе, одну из центральных тем “сред”» (Бердяев 1992: 322). См. также: Пономарева 1988: 87–90.

в повести «Что есть табак» (более подробно см.: Доценко 2005: 179–187).

Учитывая возможный пушкинский подтекст сказки Ремизова «Султанский финик», стоит напомнить, что реминисценции из «эротических» текстов Пушкина появляются у Ремизова неоднократно. В частности, сказка Ремизова «Царь Додон» явно отсылает к пушкинской «Сказке о золотом петушке» (см.: Данилова 2000: 683–684), которая в свете последних разысканий обнаруживает несомненный эротический подтекст (см.: Левинтон, Охотин 1991: 28–35; Безродный 1992: 23–26; Безродный 1994: 45–48; Эткинд 1995: 5–7; Проскурин 2000: 23–47; Проскурин 2002: s. p.). Но еще больше оснований считать источником ремизовского «Царя Додона» пушкинскую эротическую сказку «Царь Никита и сорок его дочерей» (см.: Данилова 2000: 680, 683–684; Козьменко 1992: 183)⁹. А сказка Ремизова «Чудесный урожай» содержит мотив, сходный с мотивом поэмы Пушкина «Граф Нулин»: в сказке Ремизова хозяин дома, старый генерал, ночью отправляется в спальню гостыи (вдовы Пелагеи Петровны), родственницы его сестры. Но эротическое приключение, о котором весь день мечтал генерал, кончается плачевно – он скоропостижно умирает, причем причиной его смерти становится тот самый «стержень» (фаллос), который вдова Пелагея Петровна купила у мужика Архипа. Впрочем, ситуация из «Графа Нулина» у Ремизова дана в обращенном варианте: в тексте Пушкина граф Нулин, будучи гостем в доме, отправляется ночью в спальню хозяйки, Натальи Павловны, где и терпит фиаско. Зато сходен финал обоих «приключений» – вожделеющий герой оказывается ни с чем¹⁰.

⁹ И. Данилова приводит любопытный газетный анонс неизданной еще сказки Ремизова «о царе Додоне» (см.: Межа. 1908. 20 окт.), в котором сообщалось (как полагает исследовательница, со слов самого Ремизова): «материалом для сказки послужило народное сказание, тема сказки: – “Пушкинский царь Никита” – наоборот» (цит. по: Данилова 2010: 189).

¹⁰ Отметим важное обстоятельство: сказка Ремизова «Чудесный урожай» является переложением напристойной («заветной») народной сказки «Посев х..в» (см.: Афанасьев 1994: 102–109; № 31), но эпизод с генералом в протексте отсутствует, он добавлен уже самим Ремизовым.

Возможным источником ремизовской сказки «Султанский финик» может быть также повесть Н. В. Гоголя «Нос»¹¹. Для этого предположения есть два основания: 1) у Гоголя часть тела (нос) фигурирует в качестве субститута владельца; 2) эта часть тела имеет имплицитные фаллические коннотации уже в тексте Гоголя, и более очевидные – в творчестве самого Ремизова (об эротическом подтексте мотива носа в творчестве Ремизова см. также: Безродный 1977: 107; Горный 1992: 192–209; Данилова 2010: 219–220)¹². В качестве примера приведем воспоминания Ремизова («Петербургский буерак») о чтении им своей повести «Неуемный бубен» в редакции журнала «Аполлон» (в конце 1909 г.):

По окончании заметно было оживление, но куда мне разобрать, и только председатель улыбкой показал, что все понимает: И. Ф. Анненский говорил по-латыни, Ф. Фр. Зелинский на языке Софокла, а Вяч. И. Иванов, думаю, на ассирийском Гильгамеша. Необыкновенное впечатление на Андрея Белого. На него накатило – чертя в воздухе сложную геометрическую конструкцию, образ Ивана Семеновича Стратилатова, костромского археолога, рассекая гипотенузой, он вдруг остановился – необыкновенное блаженство разлилось по его лицу: преображенный Стратилатов реял в синих лучах его единственных глаз.

– Да ведь это археологический фалл, кротко, но беспрекословно голос Блока. Блок выразился по-гречески.

Андрей Белый, ровно пойманный, заметался, он готов был выскочить из себя – и только улыбка Блока – «Иван Семенович Стратилатов воплощение археологического фалла», а он не заметил! и это правда! привело его в сознание (Ремизов 2003, 10: 194).

Образ Стратилатова (героя повести «Неуемный бубен») как «воплощения археологического фалла» лишний раз подчеркивает актуаль-

¹¹ Непосредственный источник сюжета сказки Ремизова «Султанский финик» пока не обнаружен. И. Данилова полагает, что «Ремизов пытался создать собирательный образ восточной сказки, комбинируя разные источники» (Данилова 2010: 197).

¹² См.: «В гротеске – и средневековом и античном – нос обычно означал фалл» (Бахтин 1990: 101).

ность для Ремизова мотива *перевоплощения (превращения)* человека в фаллос (см. более подробно: Данилевский 1986: 145–149). В финале повести «Неуемный бубен» превращение Стратилатова в фаллос показано достаточно откровенно:

А как прийти последнему часу, за минуту до смерти, <...> перестал бредить, да вдруг как вскочит с койки, выпрямился, вытянулся на своих жилистых тонких ногах, инда утроба вся вздрогнула, стойкий, этак стал открыто плешью к солнцу, <...> и как подкошенный повалился; пот выступил на переносице, и покатилась капля по носу, капля за каплею, выбрало у него свет – отемнело, и отошел в вечную жизнь (Ремизов 1995: 298–299)¹³.

Представляется вполне убедительной и догадка Е. Р. Обатниной о том, что мемуарный очерк Ремизова «О происхождении моей книги о табаке» испытал влияние повести Гоголя «Нос» (в частности, речь идет об использовании Ремизовым гоголевского приема): «<...> Совершенно откровенные детали первой редакции этой истории 1946 года, получившей название “О происхождении моей книги о Табаке”, наводят на мысль, что и в этом варианте автор – непревзойденный мастер “непрямого высказывания” – также обратился к гоголевскому приему, в данном случае “заимствованному” из повести “Нос”. Фарсовый характер ремизовского повествования, смысловая пружина которого держится на образе фалла, своеобразно путешествующего по Петербургу, усиливает буквальность аналогии. В двух текстах – множество рифм, даже тех, что образуются независимо от воли их авторов. Рассказу Ремизова предшествует реальная история, связанная с обнаружением восковой “модели” потемкинского пениса. Существует гипотеза, будто и гоголевская повесть появилась на свет, благодаря секретным сведениям об изготовлении уникального ринологического протеза. Обе истории – одна, фантастическая, другая, трансформировавшаяся из реальной в мифическую, начинались по соседству:

¹³ Как показал А. Данилевский, главным прототипом образа Стратилатова стал страстный эротоман В. Розанов (см.: Данилевский 1987: 150–165).

хлеб с носом майора Ковалева обнаруживается на Вознесенском проспекте, а футляр с копией фалла графа Потемкина был доставлен в квартиру А. И. Сомова – на Екатерингофский, 97. Появление некоего господина, оказавшегося носом несчастного майора, знаменует раздвоение героя. Его синекдохическая часть превращается в самозванца, выдающего себя за высокопоставленное лицо. Схожую метаморфозу переживает и легендарный потемкинский фалл. Автор анекдота вовремя подпускает сплетню, и живым носителем “сверх божеской меры” становится безродный студент Петр Петрович Потемкин, славившийся ростом, бездарными стихами и эпатажным поведением на вечерах молодых поэтов. Слух о тайной демонстрации музейной редкости распространяется по Петербургу так же самопроизвольно, как и нос Ковалева (который, оставив лицо своего хозяина, появлялся в разных частях города): “...пенис Потемкина, сначала робко шопотком, осмелевая, уже нагло входил к знакомым и незнакомым, распоряжался по-свойски. Он являлся под разными именами, сохраняя свою неистовую природу”» (Обатнина 2000: 205–206).

Кроме того, ремизовские повесть «Что есть табак» и сказка «Султанский финик» определенно перекликаются и с повестью Гоголя «Записки сумасшедшего». Например, невозможность брака чиновника Поприщина с дочерью директора департамента завершается мотивом его помешательства, и в его записках появляется *восточный* (алжирский) колорит, в частности, совершенно бессмысленный, казалось бы, мотив шишки под носом алжирского дея: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» (Гоголь 1938, 3: 700; ред. «Арабесок»)¹⁴. Должен быть учтен и другой «восточный» (теперь уже турецкий) мотив повести: «Всё это честолюбие и честолюбие оттого, что под язычком находится маленький пузырек и в нем небольшой червячок величиною с булавочную головку, и это всё делает какой-то цирюльник, который

¹⁴ В фольклорной традиции шишка также может иметь фаллический смысл: «Еловая шишка – символ огня жизни, начала, восстановления здоровья; в ряде традиций ассоциируется с фаллосом» (Топоров 1982: 370).

живет в Гороховой. Я не помню, как его зовут. Но главная пружина всего этого турецкий султан, который подкупает цирюльника и который хочет по всему свету распространить магометанство» (Гоголь 1938, 3: 210)¹⁵.

Нам представляется, что «шишка под носом» вполне могла спровоцировать появление (учитывая фаллические коннотации носа) родинки на соответствующем органе старца Нюха в повести «Что есть табак»:

Дух клялся перед мощами, что они <срамные части Саврасия. – С. Д.> Нюховы, и для верности клятвы показывал *родинку у ствола расширения*, но одна из соблазненных праведных жен, осквернившая в ту ночь девство свое и несытно и неудержанно творившая блуд в бане, клялась Богородице, что они Саврасиевы и родинка Саврасиева, хорошо упомянула (Ремизов 2000, 2: 534; курсив мой. – С. Д.)¹⁶.

Нам уже приходилось писать о прагматике ремизовских эротических сказок. В частности, о том, что сам автор подчеркивал их святочную приуроченность и тем самым указывал на их воспитательно-назидательную функцию (см. подробнее: Доценко 2004: 125–131)¹⁷.

¹⁵ Мотив табака в «Записках сумасшедшего» находится на периферии и не имеет эротического подтекста. Разве что отметим примечательное соседство табака и нюха(нья): «Англичанин большой политик. Он везде юлит. Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает» (Гоголь 1938, 3: 213).

¹⁶ Кстати, само имя ремизовского персонажа (Нюх) может означать просто «нос». См. у В. Даля: «Нюхало – чихало, нос» (Даль 1956, II: 564). Кроме того, И. Данилова обнаружила еще один бесспорный источник ремизовского апокрифа «Что есть табак» – традицию лубочных картинок (Данилова 2007: 293–311; Данилова 2010: 214–223). В свете гоголевских мотивов апокрифа Ремизова отметим, что мотив носа в повести Гоголя «Нос» также, возможно, восходит к лубочным картинкам (см.: Плетнева 2003: 152–163).

¹⁷ Душеспасительная функции повести Ремизова «Что есть табак» подтверждается, в частности, теми фрагментами автографа, которые не вошли в окончательный текст. Это прежде всего эпиграф: «И почерпнет воду с веселием от источник спасения» (цит. по: Козьменко 1992: 241), а также изъяснение от автора-переписчика (Ремизова): «Сия повесть или сказание о табаке и о святой и богоспасаемой горе Судимой и о всех чудотворных местах и о каверзном и злом Дьяволе Саврасии и о прочих его

Однако ответа требует следующий вопрос: чем объяснить многочисленные реминисценции из произведений Пушкина и Гоголя, которые Ремизов использует в своих эротических «сказах»? Позволим себе предложить следующую гипотезу. К началу XX века эротические тексты в русской культурной традиции по-прежнему оставались запрещенными (или, как выразился бы сам Ремизов, «отреченными»), и публикация их в России была невозможна. Требовалось преодолеть культурное табу, а по сути дела – легализовать эротическую литературную традицию (а заодно и фольклорную эротическую традицию). Не случайно Ремизов воспринимает издание своей книги «Заветные сказы» в Петрограде в 1920 г. как первый камень, положенный в основание новой традиции. Таков смысл ремизовского инскрипта на экземпляре этого издания, адресованного С. П. Ремизовой-Довгелло:

В оправдание этой книги приходится говорить: только величайшее невежество и щелиная узость увидит здесь кощунство и похабство – нет, *это первый камень для создания большой книги Русского Декамерона*. Я знаю, мне не суждено это сделать – не успею, но я вижу такую книгу, и начало ее будет не чума, а 18–19 год (Ремизов 1992: 21; курсив мой. – С. Д.).

Аналогия с «Декамероном» Дж. Боккаччо здесь не случайна, ведь именно Боккаччо одним из первых заложил основание европейской эротической литературной традиции в эпоху Ренессанса, а своей знаменитой книгой сделал эротическую литературу составной частью европейской классики. Ремизов прекрасно понимал, что попытка легализации в русской литературе «эротических» («похабных») мотивов и сюжетов вызовет очевидный (и закономерный) протест консервативного читателя¹⁸, поэтому он апеллирует к тому

злоумышлениях и пакостях списана любезному охотнику *в прочтание для пользы и спасения души и тела* <курсив мой. – С. Д.> генваря от 21–29 дня 1907 года. А где буде описался, и вы духовны Бога ради исправляете собою духом кротости, а не кляните мя грешного» (цит. по: Козьменко 1992: 241).

¹⁸ В инскрипте на книге «Царь Додон» (Пг., 1921) Ремизов упоминает об эпизоде, связанном с ее изданием: «Книжка вышла, когда жили на Троицкой. Рабоч<e>-

опыту русской эротики, который представлен в творчестве русских классиков, Пушкина и Гоголя, тем самым опираясь на их высокий литературный авторитет.

В книге «Огонь вещей» (1954) он будет афористичен: «С Пушкина все начинается, а пошло от Гоголя» (Ремизов 2002, 7: 247).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашев В. 2002. Ананас на русской почве: О стихотворении Андрея Белого «На горах». – Славянские чтения. [Вып.] II. Даугавпилс; Резекне: Издательство Латгальского культурного центра. С. 82–101.
- Афанасьев А. Н. 1994. Русские заветные сказки. СПб.: ТОО «Бланка», АО «Бояныч».
- Бахтин М. М. 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература.
- Безродный М. 1977. Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова. – Сборник трудов СНО филологического факультета: Русская филология. [Вып.] V. Тарту: [Тартуский государственный университет]. С. 98–109.
- Безродный М. 1992. Жезлом по лбу. – Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 30. С. 23–26.
- Безродный М. 1994. Жезлом по лбу. – Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тезисы конференции 30. III.–2. IV. 1992. Таллинн: Aleksandra. С. 45–48.

крест<ьянская> инспекция возбудила дело по заявлению какой-то: “у наших детей нет учебников, а тут какую-то похабщину издают, бумагу тратят”. А писалось давно, в 1907 г. Материалом послужила народная сказка» (Волшебный мир Алексея Ремизова 1992: 21). В очерке «О происхождении моей книги о табаке» Ремизов также вспоминает этот эпизод, но привязывает его к изданию книги «Заветные сказки» (Пб.: Алконост, 1920): «Посланный из типографии с клишэ задумал позабавить каких-то своих товарищей: развернул пакет и при всей честной публике показал потемкинский пенис... Кто удивлялся, кто ахал, и хохотали во все грохота. А проходили какие-то из фабричной инспекции. Видят толпа и гогочут. Остановились. В чем дело? – Да прямо на пенис... “Что за безобразие?” И сейчас же посланного: “куда и зачем”. Посланный только и мог сказать: “Из типографии в Госиздат к товарищу Ионову». Свернул пакет и пошел. И те пошли себе. Но этим дело не кончилось, а только начинается. А на другой день к Ионову “делегация от баб”. “Как это так, – говорят, – нашим детям нет бумаги для учебников, а на пенисы находится!” И пошли крыть. Ионов попробовал было вступить за бумагу, что на таких бумагах учебники не печатаются и бумаги-то такой на книгу не набрать – обрезки. Да с бабами нешто сговоришь: наладили свое: пенис... пенис... пенис... – “на пенис небось находится!”» (Ремизов 1983: 48–49).

- Бердяев Н. 1992. «Ивановские среды». – Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце / Подготовка текста и комментарий Дж. Мальмстада. М.: РИК «Культура». С. 319–323.
- Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992.
- Гоголь Н. 1938. Полное собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Гоголь Н. 1951. Полное собр. соч.: В 14 т. Т. 4. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Горный Е. 1992. Заметки о поэтике А. М. Ремизова: «Часы». – В честь 70-летия проф. Ю. М. Лотмана: Сборник статей. Тарту: Эйдос. С. 192–209.
- Даль В. И. 1956. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Данилевский А. 1986. *Mutato nomine de te fabula narratur*. – Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 735. С. 137–149.
- Данилевский А. 1987. Герой А. М. Ремизова и его прототип. – Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 748. С. 150–165.
- Данилова И. 2000. [Примечания]. – Ремизов А. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. М.: Русская книга. С. 618–707.
- Данилова И. 2007. Об именах у Ремизова: Старец Гоносий и другие. – *Varietas et concordia: Essays in Honor of Professor Pekka Pesonen on the Occasion of his 60th Birthday*. Helsinki: Helsinki University Press. С. 293–311 (Slavica Helsingiensia. Vol. 31).
- Данилова И. 2010. Литературная сказка Алексея Ремизова: (1900–1920-е годы). Helsinki: Helsinki University Press. (Slavica Helsingiensia. Vol. 39).
- Доценко С. 2004. Три заметки о А. Ремизове: 3. К вопросу о художественной функции «Заветных сказов» А. Ремизова. – Вторая проза: Сборник статей. Таллинн: TPÜ Kirjastus. С. 125–131.
- Доценко С. 2005. К проблеме дешифровки одного анекдота из мемуарной книги А. Ремизова «Кукха». – Русская литература. № 1. С. 179–187.
- Козьменко М. 1991. Заветные сказы Алексея Ремизова. – Литературное обозрение. № 11. С. 75–76.
- Козьменко М. 1992. Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова / Предисловие и комментарий М. Козьменко. – Эрос. Россия. Серебряный век. М.: Серебряный бор. С. 175–247.

- Левинтон Г. А., Охотин Н. Г. 1991. «Что за дело им – хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей». – Литературное обозрение. № 11. С. 28–35.
- Обатнина Е. 2000. «Эротический символизм» Алексея Ремизова. – Новое литературное обозрение. № 43. С. 199–234.
- Плетнева А. 2003. Повесть Н. В. Гоголя «Нос» и лубочная традиция. – Новое литературное обозрение. № 61. С. 152–163.
- Пономарева Г. М. 1988. Концепция Эроса и «среды» Вяч. Иванова. – Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Таллин: [Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде]. С. 87–90.
- Проскурин О. 2000. «Сказка о Золотом петушке» А. С. Пушкина и русская непристойная поэзия. – *Russica Romana*. Vol. 7. С. 23–47.
- Проскурин О. 2002. «Сказка о Золотом петушке» и русская непристойная поэзия. – Русский журнал. 2002. 5 июля; 12 июля [<http://www.read.in.ua/book214983/>].
- Пушкин А. 1937. Полное собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Ремизов А. 1982. Россия в письменах. Т. I. New York: Russica Publishers, Inc.
- Ремизов А. 1983. О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак. Paris: Tchijoff.
- Ремизов А. 1992. Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб.: Хронограф.
- Ремизов А. 1993. [Автобиографии. 1912; 1913]. – Лица: Биографический альманах. [Вып.] 3. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. С. 437–445.
- Ремизов А. 1995. Избранные произведения. М.: Панорама.
- Ремизов А. 2000. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. М.: Русская книга.
- Ремизов А. 2001. Собр. соч. Т. 6: Лимонарь. М.: Русская книга.
- Ремизов А. 2002. Собр. соч. Т. 7: Ахру. М.: Русская книга.
- Ремизов А. 2003. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга.
- Топоров В. Н. 1982. Растения. – Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 2. С. 368–371.
- Цимборска-Лебода М. 1997. Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: Этика и онтология любви. – Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 54–68.
- Цимборска-Лебода М. 2004. Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: На пути к философии любви. Томск; М.: Водолей Publishers.

- Шарафадина К. 2001. Игра «во вкусе *rosoco*» в мадригале Пушкина «Красавице, которая нюхала табак» (1814). – Русская литература. № 4. С. 118–141.
- Эткинд А. 1995. Молодцы: От «Золотого петушка» к «Серебряному голубю» и обратно в «Петербург». – Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 36. S. 5–47.
- Slobin, G. 1991. Remizov's Erotic Tales: Stylistic and Subversion. – The Short Story in Russia 1900–1917 / Ed. by Nicholas Luker. Nottingham: Astra Press. P. 53–72.